

Александр Т. Хроленко

Курский государственный университет (Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КРОССКУЛЬТУРНОЙ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Дан краткий очерк формирования идеи и методологии кросскультурной лингвофольклористики в работах курских лексикографов, подводятся итоги кросскультурных исследований фольклорных текстов русского, английского и немецкого этносов, приводится алгоритм инструментального оснащения кросскультурного исследования, намечены перспективы изучения «скрытой» культуры.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвофольклористика, кросскультурная лингвофольклористика, ментальность, скрытая культура.

В 90-е годы прошлого столетия актуализировался вопрос об этнической идентификации. Популярным стал термин *менталитет* (русифицированный вариант *ментальность*).

В царской России и Советском Союзе этнический менталитет в решении политических, экономических, социальных и культурных задач никогда не учитывался. Однако, неучитываемый, он проявлялся и проявляется весьма неожиданно, парадоксально и подчас разрушающе. Стало ясно, что строить новую, правовую, богатую, счастливую Россию с гражданским обществом, великую не столько военной мощью, сколько уровнем и качеством жизни, можно, только опираясь на конструктивные черты этнической ментальности.

«Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поёт и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познаёт, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благодарит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... У каждого народа свои особые чувства права и справедливости, иной характер, иная ди-

сциплина, иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад... Словом, у каждого народа особый душевный уклад и духовно-творческий акт» [Ильин 1998:241].

Этнический менталитет устойчив, но неестественные, порой насильственные формы существования народа меняют его, искажают соотношение элементов в строе мысли. И тогда следует обращаться к объективным свидетельствам об исконной специфике менталитета. Например, к устной народной культуре.

Фольклорные тексты всегда воспринимались как надёжный источник знаний об этническом своеобразии. Если в начале XIX в. романтики в фольклоре отыскивали «народный дух», то в конце XX в. уже прагматики ищут в нём ментальность как матрицу национальной культуры.

Нет сомнений в том, что язык фольклора может дать важные свидетельства о человеке и этносе, поскольку и язык, и фольклор — феномены коллективистские и анонимные. Полагают, что «народное искусство» — это не очень точное обозначение целостной системы мировосприятия, универсальной картины мира, возникшей на стадии земледельческой культуры. Фольклор рисует мир, очищенный от превратностей и случайностей, таким, каким он должен быть. Фольклорная картина мира — это особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества. В устном творчестве хранится этнический эталон этноса — носителя фольклора. Устное народное творчество занимает важное место в культуре каждого народа, является одним из связующих компонентов этноса, важнейшим средством сохранения и передачи духовного наследия. Благодаря функциональной связи фольклора со всеми сторонами жизни человека, его культурой — как материальной, так и духовной он отражает образ мыслей и представлений, чувства и надежды народа и обладает значением «голоса народа» (И. Г. Гердер), т.е. выражения этнического своеобразия при многообразии культурного развития человечества.

Когда в начале 90-х курские русисты приступили к осуществлению заветной мечты — создать словарь языка русского фольклора, — они имели в виду и завет великого филолога Ф. И. Буслаева, который размышлял о словаре эпитетов и видел в нём инструмент важных этнопсихологических и этноносеологических исследований: «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным» [Буслаев 1992: 286].

Курские лексикографы убеждены в том, что словарь языка фольклора не просто факт отечественной филологии, это своеобразный

паспорт русского этноса, беспристрастная картина того, как творчески, в полном соответствии с собственным строем мысли вглядывается русский человек в свое сердце, в других людей и окружающий мир, что он в них видит, чем пренебрегает, как связывает увиденное между собой, какую картину мира строит, как определяет каждый элемент этого мира, какие качества и действия ставит на первое место.

Тотально выбранная и предельно сконцентрированная лексика в ее внутренней взаимосвязи позволяет увидеть те глубинные смыслы, которые интуитивно ощущаются только талантливыми представителями этноса, а для остальных могут стать явными в контексте словаря языка фольклора.

Известно, что культура как таковая всегда апеллирует к сравнению, сопоставлению, поэтому, считал В. Н. Топоров, сравнение того и этого, своего и чужого составляет одну из работ культуры.

Русская былина, на материале которой строилась первая версия нашего словаря фольклора, — жанр уникальный. В английской, немецкой или французской традиционной культуре ничего подобного нет. А вот народная лирика — жанр национально универсальный — даёт возможность сопоставительного изучения. Собрания русских народных песен П. В. Киреевского, А. И. Соболевского, М. Г. Халанского и др., а также двухтомное собрание английской народной лирики С. Шарпа могут стать и стали базой сравнительного анализа.

Первым шагом в том направлении, которое позже будет названо нами кросскультурной лингвофольклористикой, стала заметка о концепте «золото» в русской и английской народной песне [Хроленко, Петренко 1995]. Было отмечено, что в примерно равных по объёму корпусах текстов английская лексема используется в семь раз чаще (52 против 8), чем русская, что само по себе примечательно. Правда, следует добавить, что частотное русское прилагательное *золотой* при редком употреблении английского прилагательного *gold* (42 против 8) выравнивает диспропорцию.

В английской народной песне золото предстаёт в своей вещной ипостаси. Это то, что добывают, имеют, приносят, дают, любят, не хотят, отнимают, спасают, ценят. Золото предстаёт как денежное средство: гинеи золотом, фунты в золоте. Золото — это собственность, а потому оно принадлежность отца, матери, моё, её, ваше. Золото привлекает своим блеском и цветом, и определения к слову *gold* характеризуют прежде всего эту сторону: *bright* 'блестящее', *glittering* 'сверкающее', *shining yellow* 'сияющее желтым цветом'. Из золота может быть сделан стул, гроб, но чаще всего это цепи.

В русской лирике существительное *золото* используется крайне редко. Анализ песенных контекстов показывает, что во всех случаях в слове господствует сема 'украшение': золотом шьют, увивают, ореховая клеточка стоит на золоте, золотом осыпают. Всего две лирические реалии сделаны из золота. Это шапочка и венок. Явно, что и здесь речь идёт не о драгоценном металле, а головном украшении.

Поскольку золото в русской лирике — знак особой выделенности и красоты, то логично, что в песенных текстах гораздо чаще используется прилагательное *золотой*. Практически во всех контекстах у этого прилагательного реализуется переносное значение. Особенно в тех случаях, когда речь идёт о народно-лирической флоре и фауне: *павушка золотые перышки, олень золотые рога, сокол золотые опутенки, верба золотая ветка, конский хвост золотая труба, груша-яблонь кора золотая*. Строго определен круг золотых предметов. Это атрибуты свадебного обряда — золотой венец и венок, перстень, чара, ключ, подкова, карета.

В русском *золоте* на первый план выступает сема 'красота', в английском *gold* — сема 'ценность'.

Даже на примере одного слова можно видеть своеобразие этнического менталитета, различие в иерархии ценностей носителей фольклора двух народов.

Сравнительный концептуальный анализ оказывается актуальным по мере становления фольклорной лексикографии. При этом выясняется, что лексикографизация исследовательских методов в лингвофольклористике позволяет сравнивать не только отдельные концепты, но и целые концептосферы.

Методика сопоставительного изучения фольклорных текстов отрабатывалась на примере орнитонимов (наименований птиц). Был сделан вывод, что русский и английский фольклор художественно видят мир по-разному. Русская народная лирика использует 27 орнитонимов, английская — 19, совпадают 15 имен. Самые частотные у англичан слова *bird* 'птица' и *nightingale* 'соловей', у русских — *голубь*, *сокол*, *соловей*, *утка*, *лебедь*. Средней частотностью отличаются *blackbird* 'черный дрозд', *cock* 'петух', *dove* 'голубь', *thrush* 'дрозд' и русск. *галка*, *сова*, *селезень*, *курица*, *перепелка*. Удивительно, что английский поэтический глаз не видит сокола, русский — дрозда.

Существенные различия орнитонимов на инвентарном уровне (наличие, отсутствие, количество) предопределены различием поэтического взгляда на природу. Для русских мир птиц — прежде всего мир символов, для англичан — средство сравнения. Голубь и голубка в русской лирике — символическая ипостась лирического персонажа,

в английской же песне — элемент сравнения («если бы у меня были крылья, как у голубя»; «такой верный, как голубь»); утка (утушка) у русских — символ одинокой женщины, а у англичан — эталон умения плавать («молодые женщины, юноши, девушки хотят плавать, как утки»). Соловей в русском фольклоре — вестник печали, который поет, но качество его пения не оценивается, в английской же лирике главное — это благозвучное, мелодичное пение и желание персонажа стать этой птицей. Предельная ограниченность символического значения в английских орнитонимах логично приводит к максимальной частотности слова *bird* 'птица', которое дифференцируется различными определениями.

Объектом сопоставительного анализа стал и растительный мир в народной лирике — концептосфера «флора». Сопоставив три родовых понятия «цветок», «куст» и «дерево» в русской и английской лирике, мы увидели следующее. Английское мировидение отмечает аромат цветов и предпочитает эпитеты общей положительной оценки — 'хороший, прекрасный, красивейший, прелестный, превосходный' и почти не замечает окраски цветов ('белый, красный, синий' — единичны). Цветы в русском мировидении характеризуются прежде всего со стороны цветовых ощущений — алый, лазоревый, голубой и т. д. Специальные оценочные прилагательные отсутствуют. Дело в том, что в русской традиционной культуре цвет не просто цветовая волна, но и оценка — «умозрение в красках» (Е. Н. Трубецкой). Русская ментальность не разграничивала и не противопоставляла этическое и эстетическое, а потому у цвета в русской культуре присутствует второе значение — 'моральное, душевное', что подтверждают и наши материалы.

Куст в английской народной лирике — зелёный, колючий, цветущий, ассоциирующийся с шиповником, недаром же самый частотный английский фитоним *briary/briery*. Русский же куст почти всегда имеет видовой определитель (*калиновый, малиновый, кленовый, лавровый, смородинный*). Любопытно отметить, что в русских эпических текстах (былинах) куст всегда только ракиновый.

Дерево в английском фольклоре — любимый лирический топос. Фитоним *tree* более чем в десять раз встречается чаще, чем русский фитоним *дерево*. По своей художественной функции английское дерево ближе к русскому кусту — излюбленному русскому лирическому топосу. Характерно, что системы эпитетов к *tree* и *куст* структурно близки.

В 90-е годы было защищено несколько диссертаций, ориентированных на сопоставление русских, английских, немецких и французских фольклорных текстов¹.

В 2004 г. возникла идея разграничивать сопоставительный и кросскультурный подходы к фольклорным текстам. Тогда же нами был предложен термин *кросскультурная лингвофольклористика*.

Сопоставительная лингвофольклористика ориентирована на сравнение в рамках одной народно-поэтической культуры. Например, сравнение народно-песенных текстов Курской, Архангельской и Олонецкой губерний, сравнение песенных и былинных текстов Олонецкого края и т.п. Сопоставительная лингвофольклористика ищет общее и особенное фольклорных картин мира различных жанров; выявляет территориальную дифференцированность языка фольклора; прослеживает эволюцию лексикона каждого жанра и всего фольклора в целом. Цель сопоставительной лингвофольклористики — выявление общефольклорных, общежанровых, диалектных и идиолектных.

Кросскультурная лингвофольклористика предполагает сравнение фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству двух и более этносов. Цель кросскультурной лингвофольклористики — выявление культурных смыслов, аккумулированных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в корпусе (подкорпусе) текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как проявлений этнической ментальности, поиск общего и специфического в традиционной культуре этносов, углублённое исследование феномена этнической ментальности, разработка эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка. Кросскультурный подход предполагает сотрудничество антропологии, этнографии, лингвокультурологии и этнолингвистики.

Если сопоставительная лингвофольклористика выявляет своеобразие языка фольклора, то кросскультурная — специфику этнической культуры и явленной ею ментальности. Общее для двух ветвей

---

¹ Петренко О.А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора) (Орёл, 1996); *Завалишина Ю. Г.* Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета (Белгород, 1998); *Гулянков Е. В.* Этническое своеобразие русской народно-песенной лексики (в сопоставлении с лексикой французских народных песен) (Орёл, 2000); *Воронцова С. С.* Концептосфера «религиозная культура» в русском, английском и немецком песенном фольклоре (кросскультурный анализ) (Курск, 2005); *Завалишина Ю. Г.* Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора (Курск, 2005).

лингвофольклористики — постижение феномена фольклорного слова во всём объёме его внутренних и внешних связей и отношений.

Идеи кросскультурного анализа были реализованы в двух частях монографии А. Т. Хроленко и К. Г. Завалишиной «Кросскультурная лингвофольклористика: народно-песенный портрет в трёх этнических профилях» (Курск, 2005) и «Кросскультурная лингвофольклористика: тело человека в лексике русских, немецких и английских народных песен» (Курск, 2006). Авторы исходили из предположения, что специфика этнической культуры, своеобразие национального мировосприятия особенно очевидны при рассмотрении топологически однородных объектов, к которым можно отнести человеческое тело. При этом учитывались место и роль «телесной парадигмы культуры» в современном мире и отмечалась недостаточная изученность семантики и функции соматизмов в фольклорных текстах.

Анализ выявленных в трёх корпусах соматизмов привёл к следующим выводам. При абсолютной топологической тождественности лица его концептуализация и вербализация обнаруживают не только черты сходства, но и различия. Можно говорить о концептуальной, репертуарной (используемой в исследуемом корпусе текстов), квантитативной и культурной асимметричности в репрезентации лица и его частей.

Концептуальная асимметричность видна на примере концептов «рот» и «губы» у немцев и «уста» у русских.

Репертуарная асимметричность обнаруживается прежде всего в форме лакун, то есть отсутствия в фольклорных текстах лексем, называющих тот или иной элемент лица. Русские считают бровь важной чертой портрета, в немецких и английских текстах соответствующие лексеммы не фиксируются. Нет в русских текстах слова *подбородок*, а в английских, хоть и редко, упоминается *chin*. В английской песне встретилось *eyelid* 'веко', а в русских и немецких песнях аналога нет. Сходство в использовании соматической лексики в песенных текстах трёх этносов обнаруживается на уровне ряда концептов, которые одинаково редко реализуются носителями фольклора, — «лоб», «ухо», «нос», «рот», «зубы», «борода», «усы».

Квантитативную асимметричность можно продемонстрировать на примере английских лексем *cheek* 'щека' и *lips* 'губы', которые встречаются чаще, чем их эквиваленты в других сравниваемых традициях. Несколько чаще, чем русские, упоминают концепт «язык» носители немецкого и английского фольклора. Если русские очень редко упоминают шею, то англичане этот концепт актуализируют гораздо чаще.

Культурная асимметричность отчётливо заметна на примере одинаково частотных эквивалентов в трёх традициях. Так, концепт «лицо» в русской, немецкой и английской фольклорно-песенной традиции, вербализуемый в основном лексемами *лицо*, *Cesicht (Angesicht)* и *face*, предстаёт этнически дифференцированным, причём русская традиция заметно отлична от традиции германских этносов как в количественном, так и в качественном отношении. Русская фольклорная песня гораздо чаще обращает внимание на лицо лирической героини. При этом песня никогда не даёт лицу специальных характеристик эстетического характера — красивое оно или безобразное. Русское *лицо* всегда *белое*. «Белое» — интегральная идеализирующая характеристика по умолчанию всегда красивого и всегда достойного человека. Изменение белого цвета лица — показатель сильных, контрастных эмоциональных переживаний — «жара» или «остуды». В немецких и английских песнях сильные чувства и яркие эмоции описываются иными способами.

Сходство и различие в частотности и функционировании лексем, называющих волосы на голове и лице в фольклорных текстах трёх этносов, обусловлены не только единством соматической топологии головы и лица, но и этнокультурными факторами и эстетическими предпочтениями, идеалами каждого из этносов. В немецких и английских текстах концепт «волосы» вербализован словами с родовым значением, в русских же лексема *волосы* единична, доминируют гендерно противопоставленные лексемы *кудри* и *коса*. Русский песенный фольклор акцентирует внимание на обрядово-гендерной стороне причёски мужчины и женщины, немецкий и английский фольклор сосредоточен на эстетической стороне описания волос. Отсюда различия в их цветовой характеристике: *русые* у русских, *золотистые* (с уклоном в тёмные) у немцев и *чёрные* у англичан. Различны и глагольные ряды, сопровождающие существительные, вербализующие концепты «кудри» и «коса». У русских глаголов преобладают имена обрядовых и ритуальных действий (*чесать, завивать, заплетать, расплетать, распускать*), в немецких и английских песнях преобладают глаголы, называющие элементы ухода за волосами, их украшением и изменением.

Культурно predetermined различия на уровне синтагматики и парадигматики соматизмов. Так, этнически дифференцирован цвет глаз и набор соответствующих эпитетов.

Этнические культуры различаются своеобразными «точками красоты» лица. Для русских это брови и глаза, для немцев — волосы на голове, для англичан — щёки и губы.

Лингвофольклористика в целом и кросскультурная лингвофольклористика в частности используют традиционные лингвистические методы, однако сама специфика объёма и предмета исследования потребовала дополнительного исследовательского инструментария.

Практически все используемые нами инструменты разработаны на лексикографической основе, что соответствует современной тенденции в развитии методологии гуманитарных наук.

Принятый нами алгоритм инструментального оснащения кросскультурного исследования состоит из следующих шагов:

- определить корпуса фольклорных текстов;
- представить каждый из сравниваемых корпусов в форме гипертекста;
- с помощью специально составленной компьютерной программы NewSlov составить словники словоформ, а затем и лексем для каждого корпуса;
- составить частотный словарь каждого корпуса;
- подготовить конкордансы для сопоставляемых корпусов;
- выбрать концептосферы для последующего анализа;
- создать концептограмму каждого вербализованного концепта из избранной концептограммы;
- оформить концептуарий (совокупность концептограмм);
- с помощью специально разработанной компьютерной программы Compare составить списки (1) совпадающих концептов; (2) несовпадающих концептов для корпуса А; (3) несовпадающих концептов для корпуса В (если сравниваются три и более корпусов, количество списков несовпадений будет соответственно больше двух);
- на основе списка совпадений выявить случаи количественной и/или качественной асимметрии;
- с помощью списков несовпадений выявить все случаи лакунарности;
- интерпретировать все случаи асимметрии и лакунарности как конечный результат кросскультурного анализа.

Полученные результаты и возникшие вопросы становятся предметом этнолингвистического анализа.

Кросскультурная лингвофольклористика вырабатывает свой лексикографический продукт — контрастивный словарь, микроструктура и эвристические возможности которого описаны в: [Бобунов, Хроленко 2007].

На наш взгляд, кросскультурную лингвофольклористику можно рассматривать как специфический аспект этнолингвистики.

В своих «Постулатах московской этнолингвистики» С. М. Толстая заметное место отводит роли фольклористики и использованию фольклорных текстов в этнолингвистических исследованиях. Фольклорный текст воспринимается с точки зрения обрядовости. В зависимости от жанра обрядовая составляющая обладает различной степенью интенсивности. Она максимальна в магических заклинательных текстах, в календарных песнях. Менее «прагматичны» повествовательные жанры. Особое место занимают пословицы и поговорки, т.е. малые фольклорные формы, тесно связанные с обрядовой или бытовой, но всегда ритуализованной ситуацией [Толстая 2006: 17–19].

За пределами интереса московских этнолингвистов в целом остаются такие жанры и формы народно-поэтического творчества, как былина и необрядовая лирическая песня. Именно эти жанры и формы составляют основную область кросскультурной лингвофольклористики.

Этнолингвистика и лингвофольклористика решают одну и ту же проблему — связь языка и культуры, но подходят к её решению с противоположных сторон. Этнолингвистика идёт от культурного смысла к слову, а лингвофольклористика — от слова к смыслу.

Кросскультурной лингвофольклористике оказывается близкой гипотеза антропологов о существовании т.н. «скрытой культуры» (К. Клакхон), «имплицитной культуры» (Р. Ле Ван) или «культурной модели» (А. Крёбер). Скрытая культура не поддаётся непосредственному восприятию человеческими органами чувств, она проступает как тончайший намёк, непонятный даже самим её носителям, как лёгкие «дуновения», самые невероятные «бормотания» культуры, основополагающие её самобытность, как своеобразное «поле культурного подразаумеваемого». Именно в сфере непонимания различий форм скрытой культуры кроются причины «конфликта культур» [Чернявская 2005]. «Скрытая» культура представляет ту среду, где этническая ментальность формирует «матрицу» национальной культуры.

Хранимая языком в целом и народно-поэтической речью в частности, скрытая культура выявляется прежде всего путём анализа языковой ткани культуры — положительной и отрицательной семантики слов и выражений, ключевых для данной культуры слов и т. п. По мнению Ю. В. Чернявской, язык фольклора оказывается самым значимым хранителем «эзотерической» культуры.

Становится очевидной сверхзадача лингвофольклористики — выяснение через язык фольклора сущности этнической культуры. Перспективна постановка таких фундаментальных вопросов, как этническая ментальность и культурная архетипика.

Кросскультурная лингвофольклористика ближе других наук к предметному выявлению и описанию скрытого пласта этнической культуры. Отсюда культурологическая ценность кросскультурной лингвофольклористики.

Литература

- Бобунов А. М., Хроленко А. Т. Контрастивный словарь в кросскультурном исследовании // Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы международной научной конференции. Брянск, 2007. — С. 9–12.
- Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992.
- Ильин И. А. О национальном воспитании // Иван Ильин. Путь к очевидности. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. — С. 241–248.
- Толстая С.М. Постулаты московской этнолингвистики // *Etnolingwistyka*. 18. Lublin, 2006. С. 7–27.
- Хроленко А. Т., Петренко О. А. Gold / Золото // Фольклорная лексикография. Вып. 4. Курск, 1995. — С. 12–13.
- Чернявская Ю. В. Культура явная и скрытая // Человек. — 2005. — № 4. — С. 5–12.

Александр Т. Хроленко

НАСТАНАК И ПЕРСПЕКТИВЕ КРОСКУЛТУРНЕ ЛИНГВОФОЛКЛОРИСТИКЕ

Резиме

У раду је дат кратак преглед формирања идеја и методологије кроскултурне лингвофолклористике у радовима курских лексикографа, изводе се закључци о кроскултурним проучавањима фолклорних текстова руског, енглеског и немачког етноса, даје се алгоритам инструменталног опремања кроскултурних истраживања и оцртавају се даље могућности проучавања „скривене“ културе.